

С.И. Бажов

Русский национальный характер как тема религиозно-философской мысли русского зарубежья в 20–50-х гг. XX в.

В произведениях многих русских философов первой половины XX в. можно найти суждения по интересующей нас теме. Но здесь необходимы уточнения. Приход к власти большевиков довольно быстро привел к разделению русской философской мысли на два русла – философскую мысль русского зарубежья, в которой в той или иной степени была сохранена атмосфера свободных философских дискуссий, были продолжены традиции русского религиозно-философского ренессанса начала XX в., и философию советскую, с самого начала идеологически ангажированную, а с начала 1930-х годов и практически полностью догматизированную.

Не в лучшем положении в это же время находились и науки о человеке. Как отмечают исследователи, с начала 30-х годов XX в. на этническую психологию в СССР начались гонения, и она фактически не была в достаточной мере представлена в структуре национальной науки вплоть до своего возрождения уже в восьмидесятые годы XX в.¹

Конечно, в той или иной форме рассуждения о русском национальном этосе присутствуют и в советской мысли, и этот материал в принципе должен быть учтен, как должны быть приняты во внимание и концепции русского национального характера, развитые мыслителями русского зарубежья, но изложенные по случаю, фрагментарно и потому нуждающиеся в реконструкции. Однако это невозможно сделать в формате статьи. Более того, здесь нельзя и дать обзор (и типологию) всех концепций русского национального харак-

тера, развитых в трудах представителей религиозно-философской мысли русского зарубежья, но можно проделать лишь часть такой работы. Для уточнения подлежащего рассмотрению предмета исследования используется критерий наличия у философов специальных работ или значительных разделов произведений, посвященных проблематике русского национального характера.

В свете заявленного критерия, наше внимание привлекают несколько ключевых сочинений, в которых рассматривается данная проблематика. Это доклад Б.П.Вышеславцева «Русский национальный характер», прочитанный в 1923 г. на конференции в Риме; работы Н.А.Бердяева, в особенности его книги «Русская идея» и «Истоки и смысл русского коммунизма»; и, наконец, самая крупная философская работа, во многом подводящая итоги размышлениям русских философов XIX и первой половины XX вв. по теме «русский национальный этос», – книга Н.О.Лосского «Характер русского народа», впервые опубликованная в 1957 г. Общая цель статьи – не только уточнение философско-методологической структуры дискурса о национальном характере (разумеется, за пределами самоочевидных общих особенностей этого строя мысли как религиозно-философского и т. д.), но и более глубокое понимание содержательной стороны соответствующих концепций в аспектах выявления в ней планов сущего и должного.

Б.П.Вышеславцев исходит из предположения о том, что характер народа определяется на бессознательном уровне, в области подсознания, куда проникнуть можно лишь с помощью метода, аналогичного методу З.Фрейда, полагавшего, как известно, что бессознательное приоткрывает себя в снах. Чтобы понять душу народа, необходимо проникнуть в его сны. Но сны народа, по Вышеславцеву, это не что иное, как его эпос, сказки и поэзия. Страхи, надежды и черты русского народа раскрываются в его сказках, эпосе и т. д.²

В соответствии с такими методологическими предположениями Вышеславцев анализирует фольклор с целью выделения характеристик народной души. На материале сказок выделяются такие черты русской народной души, как страхи и опасения народа: страх бедности, страх перед трудом и боязнь горя. Причем последнее представляется не как «внешняя судьба греков, по-

коящаяся на незнании и на заблуждении, это собственная воля, или скорее какое-то собственное безволие» человека³. Наконец, наиболее возвышенный страх – это страх разбитой мечты, страх падения с небес.

Материал сказок замечательным образом раскрывает всю гамму народных стремлений и бессознательных мечтаний, от самых прозаических до возвышенных. Здесь народная душа желает «нового царства и лучшего места», и в понимании этого лучшего царства есть и мотивы возвышенно-идеалистические, и прозаический житейский «экономический материализм». Это мечта о таком «новом царстве», где распределение будет построено на принципе «каждому по его потребностям», где можно наесться и напиться, где стоит «бык печеный», где молочные реки и кисельные берега. А главное – там можно ничего не делать и лениться⁴. Этот мотив развивается, например, в сказках о Емеле-дураке, который лежит на печи и ленится, но при этом с помощью волшебства исполняет все свои желания.

Тему лени дополняет и развивает другой сказочный мотив – представление о «хитрой науке». Бедная старуха мечтает отдать сына в такую науку, чтобы можно было нигде не работать, сладко есть и пить, чисто одеваться. В дальнейшем выясняется, что такая наука – это искусство воровства, а наставником в ней является черт; в сказках нередко счастье сопутствует лентяю и вору.

По Вышеславцеву, «все эти смешные сказочные сны русско-го народа оказались, однако, вещими и пророческими»⁵. Так, хитрая наука о легком хлебе предстала в виде научного социализма Маркса, вовсе не беспочвенного, а имеющего отклик в народной душе, в которой никогда полностью не исчезала мечта о «молочных реках с кисельными берегами» и вера в существование на земле царства правды и благополучия. Именно с такими народными мечтами, как можно предположить, и попала в резонанс «хитрая наука» научного социализма, сообщившая мальчишке-искателю, как проникнуть в то царство, где всё будет исполняться «по шучьему велению»: для этого нужно совершить прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

В сказках отражены, однако, не только подобные стремления, но и народная мудрость, разоблачающая нереалистический характер исканий легкого хлеба и легкой жизни, в связи с чем

Вышеславцев и формулирует существенное для его концепции русского национального этоса положение о противоречивости как одной из особенностей русского народного характера.

Еще одной отличительной особенностью характера русского народа Вышеславцев считает стремление доходить до предела, до последней черты, прежде чем обращаться к спасительному пути. Он отмечает и присущее русским сказкам известное социальное напряжение, т. е., по сути, повышенное внимание к социальной теме, к вопросу о существовании в обществе социальных верхов и низов. В этой связи Вышеславцев рассматривает «провидческое» эпическое сказание о непростых взаимоотношениях князя Владимира и Ильи Муромца, в образе которого представлено крестьянское сословие: однажды на пир в стольный град князь Владимир созвал всех, кроме Ильи Муромца. Тогда осерчал богатырь, вознамерился убить князя с княгиней и начал стрелять по «Божьим церквам, да по чудесным крестам, по тьим маковкам золоченым»; осознавший свою ошибку князь едва успокоил разгневанного богатыря поспешным дополнительным приглашением на княжеский пир. Это, по Вышеславцеву, – не что иное как провидческая эпическая драма, раскрывающая смысл русской революции; только, к сожалению, в действительности власть вовремя не пригласила крестьянство на великокняжеский пир.

Другая характерная особенность русской народной души состоит в том, что русский народ реагирует на несправедливость – кровь за землю русскую вместе проливали, а пирует князь без простолюдинов – не так, как люди из народа европейской культуры. Обиженный русский человек не стремится исправить несправедливость, а отвергает мир, в котором она оказалась возможной. В этой черте народного характера Вышеславцев усматривает ключ к пониманию недавних для автора событий русской революции. Особенности народной души нашли отражение и в цикле сказаний о новгородском богатыре Василии Буслаеве, где явлено и понимание воли как вольницы и произвола, и понимание неизбежной саморазрушительной перспективы своеволия.

Но все же вершиной народной фантазии и лучшей мечтой русской сказки и соответственно народной души, по Вышеславцеву, является не поиск иного царства на краю света; на край света Иван Царевич устремляется за Василисой Прекрасной. Этот архетипиче-

ский сказочный сюжет Вышеславцев трактует как русский вариант мифа об Эросе и Психее. Разыскивающий Василису Премудрую Иван Царевич есть русский Эрос, устремленный к мудрости и красоте. Говоря о специфике русского Эроса, Вышеславцев подчеркивает, что мудрость и красота понимаются здесь не в смысле отрешенных от мира абстрактных идей Платона, не как вечно недосягаемый идеал, а как конкретные мудрость и красота, воплощенные в Космосе, в природе, в Душе. Вот этот мир, спасенный и преобразенный красотой, и есть предмет любви Ивана Царевича.

Для русских, полагает Вышеславцев, вражда и раздор есть не столько нарушение закона и долга (как для протестантов), сколько нарушение Космоса, красоты, любовной гармонии. По слову Достоевского, красота «спасет мир» потому, что она «возбуждает непосредственное восхищение, и человек ее любит помимо всякого долга, т. е. свободно, в силу естественного влечения сердца, в силу собственного Эроса. Всякий Эрос есть, в конце концов, предчувствие универсальной гармонии и успокаивается *только на ней*»⁶. Вершина христианской любви есть непосредственное прикосновение к мировой гармонии.

Мы видим, что Вышеславцев, руководствуясь стремлением выразить весь спектр народных стремлений – от глубокой потерянности в низших стихиях и пребывания в оковах житейской глупости до высших взлетов духа – закономерно выходит за рамки сказочного и эпического материала и обращается к христианской по духу философии и литературе. Однако универсальная гармония, положительное всеединство, пишет он, не тождественны с Богом, красота мира есть лишь отражение Божественного Лица. Стремясь подчеркнуть это различие, В.С.Соловьев специально ввел в свое религиозно-философское мировоззрение понятие Софии, «Премудрости Божией». В этих высших проявлениях русской христианской души Вышеславцев усматривает родство духа русского и итальянского, творящих в силу влюбленности в жизнь, в мир, в идеал, что отличает их от англо-саксонской и германской культур, которые нельзя назвать эротичными, ибо в них по преимуществу творят в силу долга, призвания, служения, пуританского благочестия и раскаяния.

Различие же русской и итальянской души состоит в том, что русский Эрос жаждет беспредельного; по словам Вышеславцева, он сам беспределен, бесформен, стихийен, лишен граней, в то вре-

мя как итальянскому Эросу неведома тоска от бесформенности, он не знает падений, блужданий и разрушительных порывов, но ему угрожает остывание и иссякание среди завершенных прекрасных форм. Отсюда и противоположность задач итальянского и русского Эроса. Если у итальянцев она заключается в том, чтобы не дать Эросу остыть и иссякнуть среди завершенных прекрасных форм, то русским следует найти форму для нашего беспорядочного Эроса, найти центр.

В итоге Вышеславцев выделяет следующие черты русского национального этоса – противоречивость (сочетание низших и высших устремлений и др.); жажда социальной правды и склонность к утопическим упованиям; максималистские и разрушительные протестные реакции; недостаточная социокультурная оформленность жизнестремлений; устремленность к опыту предела; поиск мировой гармонии, стремление к высшей правде и красоте на путях религиозной веры. Таким образом, по Вышеславцеву, в структуре национального характера есть и высшие, и низшие начала. План должного также намечен в его концепции при сопоставлении русского и итальянского Эросов в выводе о явно недостаточной оформленности, стихийности русского Эроса.

Концепция Вышеславцева заслуживает внимания не только в качестве репрезентативной точки зрения, отображающей ряд аспектов философского мировоззрения мыслителя, но и как философско-культурологический экскурс, затрагивающий общественно-исторические проблемы. В частности, весьма интересным является вопрос о том, каким образом в сказках оформились и получили широкое распространение контркультурные мотивы и образы: страх перед трудом; терпимость к безволию; мечты о лени и своевольной свободе; утопическое упование на «иное царство» с молочными реками, кисельными берегами и печеными быками (попутно отметим, что молочная река – это архаичный индоевропейский образ благополучия) и на хитрую науку о легкой жизни; образ Емели на печи и т. д.

Возможно, что направление поиска ответа на этот вопрос может быть подсказано аналогией между происхождением сказки как фольклорного жанра и генезисом интересующих нас сказочных мотивов. Становление жанра сказки связывается с переосмыслением фрагментов распавшихся архаичных мифосистем. Крушение арха-

ичной мифосистемы может рассматриваться как глубокий культурный кризис, как распад организованной и ценностно выверенной картины мира, который переживается как смыслоутрата. В свою очередь кризис культуры нередко сопровождает общественные трансформации и метаморфозы. Пока на руинах старой культурной системы создается новая, так как человек не может существовать без системы культурно-мировоззренческой ориентации (когнитивной, ценностной и практической), в этот период, вероятно, контркультурные стремления и утопические упования получают возможность заполнить определенные пустоты в теле культуры.

Контркультурные мотивы в русских народных сказках, вероятно, представляют собой следы и свидетельства прошлых культурно-мировоззренческих кризисов, связанных с распадом родо-племенного строя, возникновением в обществе социальной стратификации и формированием государства.

Н.А.Бердяев в своих многочисленных произведениях неоднократно обращался к проблематике русского национального этоса. Его взгляды на эту тему претерпели определенную эволюцию. В первых работах, где рассматривалась тема русского этоса (сборник статей «Судьба России» и др.), Бердяев рассуждал о русском национальном характере преимущественно под углом зрения соотношения в нем начал «мужественного» и «женственного». Если зрелому национальному характеру свойственно равновесие «мужественности» и «женственности», то русскому этосу присущи женственность, дефицит мужественности, твердости духа, воли.

Правда, женственное начало в трактовке Бердяева нельзя рассматривать как однозначно негативное, поскольку оно определяет и такие качества национального характера, как душевность, милосердие, самоотверженность (многим женщинам свойственно жертвовать своими интересами во благо своих детей). Соответственно зрелость русскому национальному характеру обеспечит развитие начала мужественного, личного, оформляющего национальную стихию.

В последующих работах, особенно в книгах «Русская идея» и «Истоки и смысл русского коммунизма», Бердяев иначе подходит к проблеме русского национального этоса. В первую очередь он говорит о противоречивости русского этоса, которая объясняется сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элементов; для

русских характерно сочетание и совмещение антиномичных, противоположных начал⁷. Так, с одной стороны, русский народ можно характеризовать как государственно-деспотический, склонный к национальному самомнению, жестокий, склонный причинять страдания, с другой стороны – как анархически-свободолюбивый, народ универсального духа, всечеловеческий, человеческий и сострадательный. Еще один источник противоречий в русской душе Бердяев видит в столкновении инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа.

Другая важная особенность русского национального характера, по Н.А.Бердяеву, выражается в «религиозной формации русской души», обусловленной особенностями исторического воспитания⁸ и характеризуемой такими свойствами, как догматизм, аскетизм, способность переносить страдания во имя веры, устремленность к трансцендентному. Кроме того, в силу той же религиозной формации души русские всегда бывают либо ортодоксами, либо еретиками и раскольниками. Причем ее наличие вовсе не означает исключительно религиозного характера русской души, так как религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, например, к социальным целям.

В связи с тем, что религиозная формация русской души выступает в двух модификациях – собственно религиозной и светской, перечисленные выше качества тоже предстают в двух соответствующих разновидностях. В частности, есть два вида трансцендентной устремленности – к вечности или к будущему; два способа преодоления мира временного – апокалиптика или нигилизм; два типа аскезы – традиционная православная или светская аскеза в стиле Рахметова и т. д.

Наконец, в типе русского человека, как считает Бердяев, всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Бескрайние русские просторы не способствовали выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, ширь русской земли давила русскую энергию, эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры, открывала возможность движения в сторону экстенсивности; дар формы у русских людей невелик.

Еще одна существенная особенность русской культуры и русского национального характера, по Бердяеву, – отсутствие «срединной культуры». В русской душе парадоксальным образом сочетается стремление к «личной святости» со «звериной низостью» и мошенничеством.

Путь совершенствования национального характера Н.А.Бердяев видит в возвышении каждого человека до подлинной духовности, пробуждении в нем личности, развитии «мужественно-христианской активности». Общество и народ таковы, каковы образующие их люди. Здесь также необходимо и моральное очищение общества, и преодоление негативных тенденций в культуре.

Раскрывающая свой духовный потенциал Россия, полагает Бердяев, в будущем может существенно повлиять на Запад. Актуализация духовного потенциала, его влияние на Запад и последствия такого влияния могут сформировать предпосылки для будущей эпохи Духа. Здесь речь идет не только о духовном преобразении жизни, но и о плодотворном взаимовлиянии Востока и Запада. По Бердяеву, в русскую идею или миссию России, помимо указанных задач, входят также осуществление социальной правды в человеческом обществе и защита малых народов.

Несмотря на присущие русскому национальному характеру антиномизм, противоречивость и отсутствие срединной культуры, Н.А.Бердяев не оставляет надежду и на совершенствование русского национального характера посредством развития личностей. Вместе с тем, по Бердяеву, нельзя забывать и о пределах усилий по совершенствованию земных форм. Философ предостерегал от попыток игнорирования или забвения онтологического конфликта земного и небесного, от утверждения возможности утопической перспективы достижения совершенного состояния. В мысли Н.А.Бердяева обозначились разные тенденции и акценты, но дело здесь не в противоречивости строя мысли, а в противоречиях самого бытия.

Необходимо отметить, что применительно к творчеству Н.А.Бердяева можно говорить не только о многоплановой структуре его философско-методологического дискурса о национальном характере, включающего рефлексии о свойствах национального характера в планах сущего и должного, анализ отличительных черт русской культуры, но и об особенностях разработки им дан-

ной проблематики в сравнении с другими мыслителями. Так, рассуждая о развитии необходимых положительных свойств народного характера, Н.А.Бердяев настаивал на целесообразности, точнее, приоритетности выработки «христиански-мужественных» начал формы, т. е. оформляющих стихии начал в структуре национального характера.

Несомненными достоинствами концепции русского национального характера, разработанной Н.О.Лосским и изложенной в книге «Характер русского народа» в середине 50-х годов XX века, являются ее систематический характер и опора на обширный философско-концептуальный и эмпирический культурный материал⁹. В своей концепции Лосский присоединился к точке зрения Н.А.Бердяева о том, что русскому национальному характеру присущи противоречивые качества. Но Лосский ставит перед собой задачу уточнить соотношение между противоположными качествами русского национального этоса, выделяя свойства основные и второстепенные, первичные и вторичные.

На основе рассмотренного материала Лосский отмечает, в соответствии с известным афоризмом о недостатках характера человека как продолжении его достоинств, что основу характера русского народа в нормальном состоянии образуют положительные свойства, хотя они и имеют порой негативные проявления.

Основная черта русского национального характера, по Лосскому, – религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, т. е. такого добра, которое осуществляется лишь в Царстве Божием¹⁰. Именно поэтому русским присуще особенно чуткое различение добра и зла. Вместе с тем, Лосский разделяет точку зрения Бердяева о том, что русская идея – это не идея цветущей культуры и могущественного государства, но эсхатологическая идея Царства Божьего, а русское православие прежде всего направлено на сверхземное абсолютное добро.

Примеры того, как основное первичное свойство русского народного характера в неблагоприятных условиях находит негативное выражение, Лосский черпает из рассмотрения ряда проявлений старообрядчества. По его словам, здесь можно увидеть, как «глубокая религиозность в сочетании с силою чувства и воли ведет к поразительному фанатизму и экстремизму»¹¹.

В том случае, если русские люди утрачивают религиозность, подобно революционерам-атеистам, место христианской религиозности занимает «формальная религиозность, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания»¹². По Лосскому, который ссылается на знаменитый цикл статей С.Н.Булгакова о характере русской революционной интеллигенции, вошедший в сборник «Два Града» (тут также можно было бы сослаться и на творчество Ф.М.Достоевского), диалектика здесь такова: «...страстная жажда осуществления Царства Божия на земле без Бога и, следовательно, без абсолютного добра ведет к замене идеи Богочеловека человекобожием, а вслед за этим и к бестиализации человека, или точнее... к осатанению человека, встречающемуся в СССР»¹³.

С основной чертой русского характера тесно связана и способность русского народа к высшим формам опыта – религиозному, нравственному, эстетическому, к интеллектуальной интуиции (умозрению), к восприятию чужой душевной жизни¹⁴. Лосский также разделяет мнение С.Л.Франка о том, что русским свойственно религиозно-эмоциональное осмысление жизни.

Далее, русских отличает повышенное внимание к мировоззренческим вопросам. Таковы многие представители русской интеллигенции и учащейся молодежи, многие герои произведений Ф.М.Достоевского и др. По наблюдениям Н.А.Бердяева, Д.С.Мережковского, Зинаиды Гиппиус и др., интенсивные религиозно-мировоззренческие искания свойственны и людям из народа.

Еще одно первичное свойство русского народа – это могучая сила воли. Сочетание напряжения воли с сильным чувством ведет, по Лосскому к страстности, столь характерной для многих русских людей¹⁵. Присущая русским страстность может приводить к максимализму, экстремизму и фанатической нетерпимости¹⁶. Отсюда – неумеренное употребление силы, неумение идти средним путем, непоследовательность и неустойчивость. Вместе с тем, во всех социальных слоях русского народа встречается и обломовщина. У этого явления много причин, но, как подчеркивает Лосский, зачастую обломовщина представляет собой оборотную сторону высоких свойств русского человека – «стремления к полному совершенству и чуткости к недостаткам нашей действительности»¹⁷.

Наряду с религиозностью и силой воли третье первичное свойство русского народа есть, по Лосскому, любовь к свободе, высшим выражением которой является свобода духа. Отсюда стремление испытать все ценности на своем опыте, на пути индивидуального личностного искания. Вместе с тем, вследствие свободного искания правды, русским нередко трудно столкнуться друг с другом ради какого-то общего дела. Это нередко приводит к разного рода расколам, образованию кружков, фракций, сект. Свободолюбие может вести и к анархии, к отталкиванию от государства. Кроме того, нередко свободолюбие, при неумении отличить свободу подлинную от мнимой, оборачивается произволом русской вольницы¹⁸. Религиозный этос обуславливает и стремление русских к свободе от всего бренного и преходящего; отсюда, считает Лосский, такая характерная черта русского общества, как презрение к мещанству, «к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, на том, чтобы “жить как все”, иметь хорошую обстановку, платье, квартиру»¹⁹. Свобода духа, постоянное искание совершенного добра – причина того, что у русского народа отсутствуют строго выработанные, вошедшие в плоть и кровь, формы жизни, что нередко приводит к неспособности должным образом организовывать индивидуальное и общественное бытие²⁰.

Тема народничества рассматривается Лосским для освещения драмы разделения образованных кругов русского общества и народа (крестьянства). Руководствуясь высокими мотивами жертвенного служения народу, представители народнической интеллигенции придерживались нереалистических представлений о народной жизни; в свою очередь крестьяне рассматривали представителей интеллигенции как людей праздных и бесполезных. Хорошо известно, что для русского крестьянства XIX век был эпохой драматических перемен. Вследствие постепенного разрушения традиционного образа жизни крестьяне превращались в дезориентированную массу, заложником которой во многом стало российское общество эпохи революций. Лосский разделяет точку зрения известного писателя-народника Глеба Успенского, подчеркивавшего, что русский народ (крестьянство) – могуч, «покуда над ним царит власть земли», а оторванный от земли крестьянин оказывается во власти душевной пустоты, пьянства, распутства и мошенничества²¹.

Четвертое первичное свойство русского народа, по Лосскому, – выдающаяся доброта его, чему есть много свидетельств. Русским свойственна и многосторонность, которую философ выводит из основного качества русского народа – искания абсолютного добра, выступающего как источник разнообразия опыта.

Характерны для русских и мессианские искания. На мессианство существуют различные точки зрения, но Лосский считает правильным мнение В.С.Соловьева о том, что положительное содержание идеала национального мессианства возможно лишь на основе христианского универсализма. Кроме того, Лосский приводит здесь и точку зрения Е.Н.Трубецкого, первоначально полагавшего, что именно русскому народу суждено выполнить выдающуюся религиозную миссию, а впоследствии утвердившегося во мнении, что все народы призваны быть богоносцами.

Говоря вслед за Н.А.Бердяевым о недостатке у русских срединной области культуры, Лосский подчеркивает, что это свойство есть отрицательная сторона русской жизни, имеющая как объективные, так и субъективные причины. Так, бедность народа – это следствие не только крепостного права, общинного строя и т. п., но и его малого интереса к материальной культуре²².

Утверждая, что воля и мышление у русского народа часто не дисциплинированы и что русским людям нередко свойственна «невыработанность определенного характера», Лосский присоединяется к точке зрения Б.П.Вышеславцева, Н.А.Бердяева и И.А.Ильина («Сущность и своеобразие русской культуры»), полагавших, что русскому народу необходимо дисциплинировать волю, мышление и чувство.

По мнению Лосского, провозглашаемый частью образованного русского общества отказ от веры и традиционной культуры приводит, в частности, к таким последствиям, как феномены нигилизма и хулиганства. Хотя материалисты, атеисты и прогрессисты в первую очередь видят свою задачу в борьбе с общественным злом и нередко способны в этом на личные подвиги, довольно быстро начинают проявляться и плоды ошибочности исходных мировоззренческих позиций: распространяются поверхностные, прекраснотушные, иллюзорные положения, такие как утверждения о желательности эмансипации, освобождения человека от религии, от всяких запретов и ограничений, поскольку он добр от природы;

признание естественных наук основой мудрости; выдвижение этики разумного эгоизма и наивного тезиса об отсутствии разногласий между влечением и нравственным долгом²³. Если в среде образованных русских людей отказ от традиционных устоев жизни, утрата религии и материализм часто ведут к нигилизму, то в малообразованной народной среде, среди крестьян и рабочих это выражается в озорстве и хулиганстве, т. е. в преступном поведении, как это, можно добавить, впервые в русской литературе гениально показал Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы» в образе Ивана Карамазова и Смердякова.

На протяжении всей работы Лосский показывает, приводя множество примеров из истории и из художественной литературы, каким образом основные положительные свойства, преобладающие у народа в нормальном его состоянии, при определенных условиях проявляют свою «оборотную сторону». Так, сила воли оборачивается максимализмом, свобода духа – склонностью к анархии и т. п. Лосский, однако, остается оптимистом, утверждая, что, несмотря на наличие в структуре русского национального характера и положительных, и отрицательных свойств, в нормальном состоянии у русского народа все же преобладают первые. Философ также считает необходимой выработку положительных свойств, отсутствие которых негативно сказывается на национальном характере.

Итак, в сходных концепциях русские мыслители выделяли такие черты русского национального этоса, как религиозность, религиозная формация души (или, в случае утраты религиозных идеалов, – поиск социальной правды, справедливого социального устройства как высшего идеала); совмещение в характере народа противоположных черт и стремлений; максимализм, устремленность к опыту предела, страстность; недостаточное внимание к форме; отрицание мещанства и отсутствие опыта срединной культуры.

Примечательно, что, подчеркивая необходимость развития недостаточно выраженных или выработки отсутствующих пока положительных свойств русского национального характера, Б.П.Вышеславцев, Н.А.Бердяев и Н.О.Лосский единодушно говорят о целесообразности развития начала формы, призванного упорядочить и ограничить стихийные проявления русской души.

С другой стороны, если говорить об особенных чертах дискурса наших философов о национальном характере, то здесь в первую очередь обращает на себя внимание широкое использование фольклорных материалов у Б.П.Вышеславцева; важная роль принципа сочетания антиномических начал в концептуализации свойств русского характера у Н.А.Бердяева и стремление Н.О.Лосского разделить эти свойства на основные и второстепенные, в чем выразилась дальнейшая разработка Лосским гипотезы о совокупности качеств, присущих национальному характеру русских. В целом в рассмотренных концепциях черты сходства явно преобладают над различиями, особенно в части суждений о необходимости развития слабо выраженных или формирования отсутствующих положительных свойств национального характера.

Таким образом, анализ концепций русского национального характера, выдвинутых Б.П.Вышеславцевым, Н.А.Бердяевым и Н.О.Лосским, подтвердил предположение о «синкретической» природе этой рефлексии, содержащей компоненты эмпирико-теоретические, ценностно-мировоззренческие, ценностно-проективные из сферы философии культуры, а также принципы культурной политики. При исследовании этих концепций необходим дифференцированный подход, позволяющий отделить гипотезы, нуждающиеся в опытной проверке, от ценностно-мировоззренческих положений, сущее от должного и т. д. с тем, чтобы многообразное и разноплановое интеллектуальное содержание использовалось в границах своей оправданной и эффективной применимости.

Особая роль концепции характера русского народа, предложенной Н.О.Лосским, состоит и в том, что она может рассматриваться как завершающая и итоговая для той линии в осмыслении темы, которая была представлена в творчестве указанных представителей русского зарубежья. Но, разумеется, Лосский был далек от того, чтобы считать изучение национального характера русского народа завершенным. При этом он руководствовался не только общими соображениями о прогрессе научного знания, но и совершенно конкретными соображениями методологического и концептуального плана. Так, он полагал, что дальнейшее углубленное понимание характера русского народа может быть достигнуто в будущих научных изысканиях путем сравнения характеров народов²⁴. Дело в том, что при рассмотрении проблемы

национального этоса недостаточно установить перечень черт и свойств, присущих народной душе. Хотя конкретный набор черт и свойств может характеризовать только данный национальный этос, качественно однородные черты и свойства могут быть присущи различным народам. Поэтому дело не только в выявлении качеств, но и в оценке меры и особенностей их проявления. А на этот вопрос ответ может дать лишь сравнение однородных качеств, присущих различным народам, для чего необходимы дальнейшие научные исследования, предполагающие, в частности, выработку соответствующей методики измерения проявления сходных качеств у различных народов, а также дополнения философского метода анализа культурологическими и этнопсихологическими изысканиями.

В отечественной философии и науке именно по этому пути пошли исследования проблематики русского национального этоса с конца 80-х годов XX в., когда гуманитарная мысль освободилась от советского политико-идеологического контроля: собственно философские изыскания сопровождались разработкой методики сравнительного изучения национального этоса на основе анализа особенностей национальных языковых картин мира и использования в культурологическом исследовании теста ММРІ (Миннесотского многофакторного личностного опросника) и др.²⁵

Примечания

- ¹ См.: Крысько В.К., Деркач А.А. Этнопсихология. Т. 1. М., 1992; Павленко В.Н. Введение в этническую психологию. Харьков, 1993.
- ² См.: Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
- ³ Там же. С. 113.
- ⁴ Там же. С. 114.
- ⁵ Там же. С. 115.
- ⁶ Там же. С. 100.
- ⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 1; Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2010.
- ⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 1.
- ⁹ См.: Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Дарь, 2005.
- ¹⁰ Там же. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 270.
- ¹² Там же. С. 37.

- ¹³ См.: *Лосский Н.О.* Характер русского народа. С. 39.
¹⁴ Там же. С. 66.
¹⁵ Там же. С. 70–71.
¹⁶ Там же. С. 71.
¹⁷ Там же. С. 93.
¹⁸ Там же. С. 109.
¹⁹ Там же. С. 114.
²⁰ Там же. С. 118.
²¹ Там же. С. 131.
²² Там же. С. 258.
²³ Там же. С. 300.
²⁴ Там же. С. 332.
²⁵ См.: *Крысько В.К., Деркач А.А.* Указ. соч.; *Павленко В.Н.* Указ. соч.

Библиография

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2010.
Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
Крысько В.К., Деркач А.А. Этнопсихология. Т. 1. М.: Институт молодежи, 1992.
Лосский Н.О. Характер русского народа. М., Дарь, 2005.
Павленко В.Н. Введение в этническую психологию. Харьков: Издательство ХГУ, 1993.